

АЛЪБИНА НУРИ

ВАРВАРИН ОСТРОВ

Голоса тьмы

Альбина Нури
Варварин Остров

«Автор»

2022

Нури А.

Варварин Остров / А. Нури — «Автор», 2022 — (Голоса тьмы)

Пережив развод и потерпев крах в карьере, Андрей Давыдов приезжает в уединенный городок, расположенный на острове, чтобы поселиться в доме, доставшемся от отца. Постепенно Андрей понимает, что Варварин остров – по-настоящему страшное место: поведение жителей настораживает его все больше, по ночам тут оживают кошмары, а вдобавок всплывают мрачные тайны прошлого – и Варваринского острова, и семьи Андрея. Он хочет покинуть городок, но путь с острова закрыт. Андрей остался наедине с древним Злом, и ему придется противостоять ему, чтобы выжить.

© Нури А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая	21
Глава шестая	25
Глава седьмая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Альбина Нури

Варварин остров

Роман

Глава первая

Варварин остров вывернулся из-за поворота внезапно: Андрей ждал, когда же он покажется, но все-таки оказался не готов к встрече.

Дорога змеей извивалась вдоль Быстрой, но самой реки видно не было: лес надежно скрывал ее, прятал за своей спиной. Ветер еще не успел сорвать с деревьев все листья подчистую: сопротивляясь неизбежному, они продолжали красными и желтыми флажками пестреть на ветках.

С другой стороны дороги тоже высилась лесная чаща – густая, плотная. Машина пожирала растрескавшийся асфальт километр за километром, и, если бы не это покрытие, совершенно точно сделанное когда-то руками людей, легко можно было бы поверить, что в этих местах не ступала нога человека. Глядя на убегающие назад деревья и кусты, Андрей тоскливо думал, каково это будет – застрять в такой глуши, провести тут осень и зиму, словно медведь в берлоге.

Мелькнула мысль развернуться и поехать обратно в город, но в этот миг стоявшие плотными шеренгами деревья расступились, открывая взору путника речную гладь и Варварин остров. Тучи разошлись, точно кто-то наверху раздвинул занавески, и бледное осеннее солнце высунулось в образовавшуюся прореху.

Солнечные лучи рассыпались по округе, заставили заискриться серую, студеную на вид воду, ласково погладили облезлые бока стоявших возле берега лодочных сараев, пробежались тонкими пальцами по земле, траве, деревьям, и на душе у Андрея стало немного светлее.

Быстрая в этом месте широка, словно море; остров лежит на речной поверхности большим блином. Если смотреть сверху, увидишь, что Варварин остров почти идеально круглой формы, лишь с северной стороны будто бы какое-то речное чудище откусило от «блина» изрядный кусок.

Крохотный городишко, который тоже назывался Варварин остров, притулился с западной стороны, большая же часть острова, насколько знал Андрей, была безлюдной, заросшей лесами, изъеденной оврагами.

Интересно, кто она была, эта Варвара, в честь которой назвали остров и городок? Что она такого сделала; почему имя ее было увековечено, попало на географические карты, а судьба осталась неизвестной? Была эта судьба счастливой, или же бедная Варвара, которую предал возлюбленный, бросилась в воду и утопилась близ этих мест?

Открывшаяся Андрею картина казалась мирной, по-своему уютной, а жизнь, которая текла на острове, была, наверное, неспешной, безыскусной и понятной.

Пожалуй, подумалось Давыдову, задуманное вправду может осуществиться. А что глушь, так это ничего, Андрей ведь и сам хотел оказаться вдали от блеска и суеты предательски-изменчивого города, от людей, так легко отвернувшихся от него, от всего несбывшегося, неудавшегося, стыдного, что давило на сердце, норовило утянуть вниз, сбить с ног, не дать подняться.

«Посмотрим еще, как оно будет», – оптимистично подумал Давыдов, ведя машину к узкому перешейку, по которому можно было попасть на остров.

Невысокую дамбу начали строить во время недолгого расцвета Варваринского острова, да так и не достроили. Все быстро пришло в упадок, сейчас дамба была наполовину разру-

шена, осталась от нее, как говорили местные, «насыпушка». В сухое время года еще ничего, на машине проехать можно, когда же вода в реке поднималась (например, в период весеннего половодья или во время сильных дождей), дорога к Варваринскому острову скрывалась под водой, а сам он оказывался отрезанным от большой земли.

Андрей надеялся проехать, опасаясь забуксовать посреди «насыпушки»: машина была загружена под завязку. То, что в багажник автомобиля поместилась вся его жизнь, было одновременно хорошо и плохо.

Хорошо, потому что нечего привязываться сверх меры к материальным ценностям, а плохо, потому что ничего он за тридцать восемь лет, получается, толком и не нажил. Правда, имелись еще книги, которые сюда не влезли и поэтому временно хранились в городской квартире, откуда Давыдов должен был их при первой возможности забрать.

Берег был каменистым, у кромки воды выстроились нестройным рядом лодочные причалы, покачивались на волнах лодки – моторные и деревянные, весельные.

Возле «насыпушки» была еще одна машина, которую Андрей сразу не заметил. Серебристая «Лада» пыталась развернуться на узком пятачке перед выездом на шоссе, за рулем сидел пожилой мужчина с вислыми седыми усами. Неподалеку стояли в окружении сумок и чемоданов молодая женщина с девочкой лет пяти. На обеих были куртки и джинсы, заправленные в сапоги.

Андрей сдал назад, пропуская автомобиль, и тот, покорячившись, выпустив облако сизого дыма, покатило прочь. Женщина пристроила на плечо одну сумку, взяла вторую, одновременно вцепившись в ручку чемодана на колесиках. Ребенок терпеливо топтался возле матери.

Помощь прекрасным дамам не входила в сегодняшние планы, но тут уж было без вариантов. Разве можно их здесь бросить?

Андрей вышел из машины. Налетел порыв ветра. Ощущение было такое, словно его хлестнули по лицу мокрой тряпкой: воздух пропитан влагой, хотя дождь кончился. Под ногами хлюпала жидкая грязь.

– День добрый. Подвезти вас? – предложил Давыдов.

– Ой, вы правда можете? Спасибо! – сразу же отозвалась женщина и быстро добавила: – Я вам заплачу.

На вид ей было лет тридцать. Светлые волосы собраны в строгий пучок на затылке, на лице – ни грамма косметики. Миловидная, даже хорошенькая, женщина выглядела уставшей и немного растерянной, а в карих глазах застыло ожидание: не то она постоянно ожидала от жизни подножки, не то надеялась, что уж на этот-то раз такого не случится.

– Мне по пути, – улыбнулся Андрей, – не нужно ничего платить. Давайте помогу положить вещи в багажник.

Сказал – и вспомнил, что багажник полон.

– Что не поместится, то в салон придется засунуть. Тесновато будет, но ничего, тут ведь недалеко.

Женщина поспешно закивала, рассыпавшись в благодарностях. Вдвоем они затолкали большой чемодан в багажник, остальные вещи кое-как разместили на заднем сиденье машины, рядом усадили девочку.

– Мы с таксистом договорились, что он нас до дома довезет. Но он как увидел, что дамба не заасфальтированная, а дорога вся разбитая, говорит, вылезайте, дальше не поеду. И высидел, – негромко проговорила женщина, пристегивая ремень безопасности. – Вы нас так выручили. Если бы мы вас не встретили, не знаю, как дотащились бы.

Действительно, поблизости больше не было ни людей, ни машин; стоявшие у воды строения выглядели пустыми. Жилых домов среди них не было, только лодочные сараи да какие-то хозяйственные постройки.

– Мне не сложно, рад, что смог быть полезен. – Андрей поглядел в салонное зеркало на девочку и улыбнулся ей. Та испуганно отвела взгляд. – Вы живете на острове?

Женщина заколебалась, точно сама не знала, так ли это, и он, чтобы дать ей собраться с мыслями, проговорил:

– Я вот, похоже, поживу какое-то время.

– У меня тут бабушка, мы с Малинкой к ней едем, – ответила наконец женщина и спохватилась: – Меня Кларой зовут, а дочку – Мариной, но как-то пошло так с первых дней – Малинка да Малинка, привязалось.

Андрей назвал свое имя и уверил Клару, что рад знакомству.

– Выходит, соседями будем, – сказал он. – Вы знаете, куда ехать? На какой улице живет ваша бабушка? Я-то сам был здесь в последний раз лет тридцать назад, мало что помню.

– А я Варварин остров хорошо знаю, школьницей каждое лето у бабушки гостила. И потом тоже бывала. Я вам покажу.

Машина тем временем уже оставила позади дамбу, выбравшись на дорогу, ведущую к городку. Вскоре показался и он сам. В основном Варварин остров был застроен частными домами, среди которых затесалось несколько двухэтажных. Асфальта не было, интересно, он хоть где-то в этом городишке есть? Словно подслушав его мысли, Клара виновато (точно неслась за это ответственность) сказала:

– В центре, где школа, магазины разные, дорога хорошая, не как тут.

Андрей кивнул и снова глянул на девочку.

– Что-то Малинка со мной не хочет разговаривать. Тебе сколько лет, Малинка? В школу, наверное, на будущий год собираешься?

У Давыдова не было детей, общаться с ними он не умел, но почему-то ему захотелось растормошить эту девочку, развеселить. Слишком уж потерянной, зажатой она выглядела, и Андрей чувствовал себя так, будто чем-то обидел Малинку, напугал. Пусть бы улыбнулась, перестала чураться его, не съест же он ее, в самом деле.

Однако вышло только хуже. Клара задергалась, занервничала, а потом тихо сказала:

– Малинка вам ответить не может. Она глухонемая от рождения. По губам читает, если медленно говорить. А так она ваших губ не видит.

Андрей обругал себя за бестактность.

– Простите, я не... Словом, простите.

– Да что вы, все в порядке, – грустно ответила Клара. – Вы же не знали.

Повисла пауза, а потом Клара, чтобы сгладить неловкость, поспешно заговорила:

– Видите, эта улица до конца городка идет, она называется Центральной. А ее пересекают еще две – Речная и Мирная. Есть еще переулочки, но их названий не помню. На пересечении улиц – площадь, она без названия. Площадь и площадь. Вон школа, детский сад (сейчас он не работает, там ремонт), поликлиника, вернее сказать, фельдшерский пункт, еще разные магазины и торговый центр. На окраине Мирной многоэтажки хотели строить, только бросили стройку, поэтому там сейчас пустырь, котлован. Вот и весь Варварин остров. То есть городок – весь. А сам-то остров большой.

Дорога, как и обещала Клара, стала лучше: проселок кончился, начался асфальт.

– Много тут сейчас народу осталось?

Клара задумалась.

– Человек четыреста, может, постоянно живут. Или побольше. А еще на время приезжают многие, когда проехать можно.

– Приезжают? Вы имеете в виду – туристы?

– Ну как туристы, – по-старушечьи пожевала губами Клара. – Страждущие, скорее. Кому исцелиться надо.

Фраза прозвучала странно, и Андрей хотел спросить, от чего именно и кто тут исцеляет, но Клара попросила:

– Здесь поверните на Мирную, пожалуйста. Бабушкин дом вон тот, синий, видите?

Андрей видел. Приземистый, деревянный, выглядывающий из-за довольно высокого забора, он был похож на все прочие дома Варваринского острова. Печать запустения лежала на этом месте и была столь же отчетлива, как и запах реки, как сырость, разлитая в воздухе.

«Что я тут делаю?» – спросил себя Андрей и сам себе ответил: «Пытаюсь начать новую жизнь».

Он отогнал невеселые мысли и притормозил возле дома Клариной бабушки. Снова последовала процедура с багажом, только на сей раз – в обратной последовательности. Сумки ставили на покосившуюся скамейку у ворот, из-за которых пока так никто и не вышел встречать гостей.

Прощаясь, Клара попыталась всучить Андрею денежную купюру, но он решительно убрал ее руку.

– Перестаньте, я же сказал, что ничего не нужно.

– А где ваш дом? – спросила Клара. – Знаете, как добраться? Может, вас проводить?

– Ничего, сориентируюсь, – улыбнулся Давыдов. – Думаю, еще увидимся, соседка.

Клара посмотрела на него и серьезно кивнула, не вернув Андрею улыбки.

– Еще раз спасибо вам.

Когда Андрей разворачивался и уезжал, Клара стояла спиной к нему и силилась открыть калитку, просунув руку сверху и нащупывая щеколду.

Малинка, наоборот, смотрела на дорогу, провожая Андрея немигающим взглядом. Он поднял руку и помахал девочке, но та проигнорировала этот жест и лишь опустила голову.

Андрей почувствовал себе неловко, отвернулся и стал смотреть на дорогу. Хватит думать о случайных знакомых, пора взглянуть на дом, в котором ему теперь предстоит жить.

Завибрировал сотовый. Андрей бросил взгляд на экран.

Шура. Конечно, кто же еще. Единственный человек на всем белом свете, которому не безразлично, как у него дела, жив ли он и собирается ли жить дальше.

Глава вторая

Она смотрела в окно, выходящее на тихую улочку, и старалась успокоиться, уговорить себя, что все хорошо, жизнь продолжается и вообще – так будет лучше.

Угрюмое, плотно затянутое тучами небо навалилось на город, и люди, кажется, физически ощущали эту ватную тяжесть: реже улыбались, тише говорили, медленнее двигались. С самого утра зарядил дождь – именно такой, какому и положено идти осенью: унылый, нудный, нескончаемый. Прохожие, отгораживаясь от непогоды разноцветными зонтиками, проявляли чудеса акробатики, обходя и перепрыгивая лужи.

Напротив длинного двухэтажного здания издательства, в котором трудилась Александра, находилось кафе «Пиноккио». Хотя на часах не было еще и трех дня, хозяева включили вывеску, потому что на улице уже стало темнеть.

Отвернувшись от окна, Александра решительно подошла к шкафу и сняла с вешалки куртку.

– Ты куда это? – подняла голову Лиза. – Мы ведь ходили на обед.

Они работали в одном кабинете уже несколько лет, хорошо общались, но подругами так и не стали (скорее всего, из-за Лизино неуправляемого любопытства и жадного интереса к чужой жизни, из-за ее неумения промолчать и понять, когда лучше не приставать к человеку, не соваться с вопросами). Впрочем, Лиза заблуждалась на этот счет, думая, что они дружат.

– Пройдусь. Голова побаливает. Я скоро, – отрапортовала Александра и прикрыла за собой дверь.

Вскоре она перешла дорогу и очутилась в «Пиноккио». Заказала кофе, чтобы не сидеть перед пустым столом, устроилась на своем любимом месте – в углу, возле окошка. Тут ей всегда хорошо думалось; если бы можно было перетащить в кафе компьютер, Александра с удовольствием работала бы здесь. К сожалению, это невозможно.

Некоторое время она боролась с собой, но потом решила: какого черта?! Неужто она не имеет права узнать, как он? Поинтересоваться по-дружески?

«Ага, Лиза вечно именно так и лезет, куда не просят!» – подумала Александра, но отбросила сомнения. Все же они с Давыдовым – это другой уровень, не то же самое, что сидение за соседними столами и совместные хождения на обед. Они дружат сто лет, если точнее, тридцать один год, а это что-нибудь да значит!

– Привет, Шурик! – Голос напряженный, но при этом Андрей прикидывается оживленным. – Как там город без меня? Стоит?

Шурик. Шура. Шуруп еще иногда. Лучшая подруга или даже друг. Можно сказать, братан.

«Выход из френд-зоны – дело очень сложное, порой практически невозможное. Андрей воспринимает вас исключительно как человека, а не как потенциального полового партнера, не видит в вас будущую спутницу жизни, понимаете?» – сказала Александре психолог в тот единственный раз, когда она решилась обсудить свою проблему со специалистом.

– То есть для него это примерно... как отношения с родственницей? Он думает, что это кошунство? – спросила Александра.

Психолог поглядела на нее с жалостью.

– Хуже. Если я правильно понимаю, он вообще об этом не думает. Ему это попросту не приходит в голову.

К психологу Александра больше не ходила: не видела смысла. Да и тетка оказалась противная, такой сложно доверять копать в своей душе. И советам ее следовать вряд ли пришлось бы.

– Все по-прежнему, – ответила Александра. – Ты-то как?

– Я еще не видел свой новый старый дом. Но уже прибыл на остров и даже сделал доброе дело: подвез женщину с девочкой. – Андрей усмехнулся. – А вообще тут... – Он замялся. – Тут тихо. Думаю, это то, что мне было нужно. Спасибо за совет, Шурик. Ты спасла меня в очередной раз.

«Я совсем не то хотела сказать! Ты понял неправильно, тупица!» – хотелось выкрикнуть ей, но вместо этого она произнесла:

– Ты уж не подведи меня. Покажи, на что способен.

Они помолчали. Обычно молчание давалось им легко, это ведь малознакомым людям требуется срочно заполнить паузу, чтобы не ощутить неловкости. Но сейчас словно бы что-то разделяло их. Может, ее горечь. А может, его волнение, необходимость понять, сумеет ли он справиться с новыми реалиями.

– Не буду отвлекать, – проговорила Александра. – Я и сама на минутку выскочила позвонить, работы полно. Хотела узнать, как ты добрался. Если что, ты знаешь...

– Я на расстоянии телефонного звонка, – закончил он. Фраза была заезженная, но ей нравилась. – Знаю. Пока, Шурик.

Его голос погас, растаял где-то вдаль, на далеком острове посреди Быстрой. Александра сделала глоток. Кофе остыл, но все равно оставался вкусным. Пора было возвращаться. Не потому, что так уж много работы, тут она соврала. Но ведь Лиза начнет названивать, спрашивать, придется что-то отвечать...

Александра почувствовала, что сильно устала, сама не понимая, от чего именно. От жизни, наверное. От необходимости притворяться, делать то, к чему не лежит душа, и запрещать себе то, чего хочется больше всего на свете.

Вот сейчас ей хотелось написать заявление на увольнение, собрать вещи и рвануть на Варварин остров, чтобы сказать Андрею: «Когда я говорила, что тебе нужно начать с нуля, вернуться к себе настоящему, перестать жить в соответствии с чужими ожиданиями, я имела в виду, что тебе стоило бы пересмотреть наши отношения, что нам можно попробовать сделать что-то вместе. Я вовсе не желала, чтобы ты сбежал от меня бог знает в какую глушь!»

Но при мысли о том, как вытянется его лицо, когда он ее увидит и услышит эти слова, сделалось так тошно, что Александра задавила внутри мимолетное стремление, запила его глотком холодного кофе и встала из-за столика.

Остаток дня прокатился, как шар по узкому желобу: направление задано, сила тяжести тащит вниз, никуда не вырвешься. Без четверти шесть они с Лизой встали, выключили компьютеры, оделись, вышли, заперли дверь, на которой висела табличка «Дизайн и верстка», сдали ключи на вахту и пошли в разные стороны. Лизу, как обычно, забирал муж, а Александра направилась на стоянку, где парковала машину. Ехать нужно минут двадцать, пробок в ее сторону обычно не бывает.

Жила Шура в четырехэтажном доме, построенном в начале десятых годов нового века. Он считался «элитным», и эта «элитарность» выражалась в расположении дома близ набережной, довольно больших по площади квартирах, в охраняемой придомовой территории и бабушке-консьержке.

Дома Александра немного нарушила заведенный распорядок, добавив к ужину белого вина. Пить, когда у нее плохое настроение, она себе обычно не позволяла: есть шанс расклеиться пуще прежнего.

Но сегодня ей нужно было хоть немного расслабиться, снять напряжение. Да что там, надо как-то заставить себя переползти через этот вечер! Потом, возможно, станет полегче. Во всяком случае, привычнее.

Сделав первый глоток, Александра села в кресло и прикрыла глаза. Сейчас бы заплакать кому-нибудь в жилетку – матери, сестре, подруге. Но вот беда: мать давно умерла (а

когда была жива, не выносила, как она выражалась, «нытья»), сестры у Александры не было, а лучшим другом был человек, на которого и хотелось пожаловаться.

Познакомились они в школе: учительница посадила Шуру и Андрюшу за одну парту. Первую. Они были самыми маленькими в классе (правда, в итоге Андрей вырос до метра восьмидесяти пяти, а Шура так и осталась миниатюрной, еле дотянув до метра шестидесяти).

Скоро выяснилось, что их роднил не только невысокий рост, но и еще много чего: интересы, взгляды, увлечения. Им было легко и весело вместе, одноклассники давным-давно привыкли видеть их вдвоем, так что никто не дразнил женихом и невестой.

Они дружили все десять школьных лет, вместе учились в художественной школе, потому что оба любили рисовать; потом дружно поступили в художественное училище.

Потихоньку пути их стали расходиться. Нет, дружба не прервалась, они выросли друг друга так, что это было невозможно. Но Александра была готова работать оформителем, рисовать рекламные плакаты или (как сейчас) обложки книг и журналов. Она была отличным профессионалом с хорошим вкусом, заказчики обожали работать с ней; помимо основной работы всегда находилась подработка, и это приносило неплохие деньги.

Давыдов был другим. Ему хотелось вдохновенного полета, признания, даже славы. Художником с мировым именем он себя не видел, о выставках не грезил, стремился к другому. Его влекла анимация, Андрей мечтал создать мультсериал.

У него было множество идей, о некоторых он рассказывал «Шурику», о некоторых – нет. Особенно страстно мечтал Андрей о сериале про девочку по имени Элли, которая умеет путешествовать между мирами, понимает язык животных и растений и владеет магией.

Лет семь Давыдов носился с этими своими задумками, ездил в Москву, встречался с кем-то, что-то предпринимал. А потом познакомился с Жанной, влюбился без памяти, выяснил, что нищий художник ей не нужен. Пришлось убрать куда подальше свое, как говорила Жанна, «ребячество» и заняться, опять же по словам Жанны, «чем-то стоящим». Андрей был талантлив и трудолюбив, у него получилось – и получалось до недавнего времени...

В какой момент Александра поняла, что любит Давыдова не только как друга? Она и сама не знала. Это вызревало в ней, вызревало и вызрело. Она и испугаться не успела, и мер каких-то принять, чтобы себя защитить. Так и смирилась. Даже замуж вышла через год после свадьбы Андрея и Жанны.

Когда выяснилось, что позвать в свидетели ей некого, кроме Давыдова, жених (кстати, директор одной из компаний, заказавших Александре рекламные материалы) рассмеялся и сказал, что с женой ему явно повезло: никакого трепса с подружками не предвидится. Это еще, заметим в скобках, не говоря о том, что нет и тещи с тестем.

Александра допила один бокал, подумала пару секунд и налила второй.

Жизнь потекла дальше и казалась спокойной и размеренной следующие примерно лет пять. Они с мужем продали ее доставшуюся от матери квартиру и его «двушку», купили вот эту «элитную», где собирались жить долго и счастливо.

Александра сумела убедить себя, что любовь к Давыдову – это такая же неизбежность, как восход или закат; что надо принять ее без возражений, как цвет глаз или группу крови, и жить дальше, потому что даже если ты очень захочешь, кровь твоя не поменяет группу, а глаза – цвет. Следовательно, глупо позволять этим фактам влиять на твою жизнь.

А потом все стало рушиться со стремительной неумолимостью камнепада.

Раз – беременность, выкидыш, известие о том, что детей больше быть не может.

Два – муж на нервной почве спутался с секретаршей.

Три – напился, сел за руль, разбился вместе с любовницей.

Была Александра обманутая жена – стала вдова.

Вскоре проблемы начались у Андрея, такая вот синхронность. В итоге это привело Давыдова на Варварин остров, а вот куда все привело ее, Александру, она пока не понимала.

Выпив всю бутылку, почти не притронувшись к ужину, Александра отправилась спать.

Глава третья

Отцовский дом стоял на отшибе, был последним на Речной улице. Если точнее, застроенная домами часть Речной заканчивалась метров за пятьсот до участка, который принадлежал Давыдовым, а дальше был обрыв.

Вид со второго этажа дома был роскошным: величавая река, лес на противоположном берегу, много воздуха, вольный простор. Но этим вся роскошь и исчерпывалась, потому что остальное находилось в полном упадке.

Здесь все было «недо». Каменный высокий забор опоясывал примерно половину участка; первый этаж жилой, на втором – только черновая отделка, хорошо хоть крыша имеется и окна застеклены. Большая часть участка – унылый пустырь, сад за домом зарос сорной травой, от некогда пышных клумб даже воспоминаний не осталось, подъездная дорожка потрескалась, кустарники превратились в непроходимые заросли.

Еще в активе имелось большое подсобное помещение, разделенное стеной на две части: в одной – гараж и мастерская, во второй стоял котел и хранились дрова.

«Да, состояние не идеальное, зато есть над чем работать! Нужно приложить руки, и это будет райский уголок», – оптимистично думал Андрей, но это были словно и не его мысли. Умельцем, у которого все горело бы в руках, он никогда не был.

Впрочем, прибраться на участке Андрей вполне способен, а чтобы дом достроить, можно рабочих нанять. К счастью, дом оказался в хорошем состоянии, отец возводил его на совесть.

Входная дверь была заперта на два замка, оба они легко открылись. Ключи повернулись в замочных скважинах с тихими щелчками, и Давыдов оказался в просторной прихожей. Электричество имелось: после смерти матери Андрей продолжал платить по счетам, как это делала она. И точно так же, как и мама, понятия не имел, зачем это нужно, если можно все отключить.

То, что смысл был, ясно стало только теперь.

Слева было пыльное зеркало, из которого на Андрея глянул высокий темноволосый мужчина с напряженным лицом, справа – шкафчик для обуви. Коридор упирался в гостиную, соединенную с кухней, справа и слева были двери в комнаты: в правой Андрей решил устроить себе спальню, в левой – кабинет. Вели из коридора и еще две двери: одна в ванную комнату, вторая – на лестницу. Санузел был нормальный, а лестницу, как и многое другое, следовало доделать, пока же это были просто бетонные ступени без перил, уводящие на второй этаж и далее – на чердак.

На чердак Андрей не полез, потому что не был уверен, что пол не провалится, сделан он был «на живую нитку». А по второму этажу побродил, думая, что хорошо бы тут устроить и кабинет, и спальню с видом на реку...

Но это, конечно, в будущем. Сейчас такое обустройство – слишком дорогое удовольствие.

Мебель в доме была, и даже неплохая, во всяком случае, на первое время хватит. Кухонный гарнитур, большой стол, два дивана, журнальный столик и кресла в кухне и гостиной выглядели стильно, не казались старомодными. Андрей подошел к большому окну, раздвинул тяжелые шторы, за которыми висели тюлевые занавески, поглядел на унылый запущенный сад и подумал, что надо срочно навести там порядок, иначе недолго в депрессию впасть, если ежедневно любоваться этой картиной.

Полы в доме паркетные, на стенах – обои, которые местами отслоились, обнажив штукатурку. Убрать бы их, а стены выкрасить. Тоже потом, все потом.

В спальне стояла огромная кровать, на которой прежде спали родители, а потом – отец, проживший в доме до самой смерти. Еще здесь находились платяной шкаф, комод и две прикроватные тумбочки (мамину отец так и не убрал). Андрей помнил, что комод был ценный, ста-

ринный, достался отцу от его бабушки. Тяжелое дерево красноватого оттенка, тусклые металлические ручки, широкие ящики снизу и шесть небольших – сверху...

Когда-то Андрею казалось, что комод набит настоящими сокровищами, и сейчас он, повинаясь порыву, подошел и выдвинул некоторые из ящиков. Там в самом деле было полно всего, только вряд ли имелось что-то ценное, лишь обычный хлам, который складывал сюда пожилой, одинокий, потерявший вкус к жизни человек.

Комната, которую Андрей решил сделать своим кабинетом, была пуста. Ничего в ней не было – ни мебели, ни ковров, ни занавесок, только светильник под потолком. Окно комнаты, как и окно гостиной, выходило в сад.

Давным-давно, в другой жизни, которую Андрей почти забыл, это была детская, принадлежавшая двум детям: мальчику и девочке. Андрею и его старшей сестре Нане. На самом деле ее звали Анной, а прозвищем, которое в итоге заменило имя, она была обязана братишке: он не мог выговорить «Анна» (называть себя Аней или Анютой девочка запрещала, допускалась только Анна, в итоге превратившаяся в Нану).

Родители собирались в будущем, подняв второй этаж, обустроить там комнаты для детей, каждому предназначалась бы своя, отдельная, однако это желание так и осталось нереализованным.

Как и многие другие их желания, обманутые Варвариним островом.

Это место похоронило брак родителей и мечты отца, так стоило ли приезжать сюда зализывать раны и искать новые смыслы? С другой стороны, разве места виноваты в людских ошибках и просчетах?

Андрей тихонько прикрыл дверь в бывшую детскую. Он годами не вспоминал о Варварином острове, об этом доме, о Нане. Два или три года, проведенные здесь, были словно вычищены из его памяти, и Андрей считал, что забыл о них, но внезапно понял, что это не так.

Воспоминания завозились где-то в дальнем углу сознания, разминаясь, готовясь выбраться наружу, и Давыдов не мог сообразить, хорошо это или плохо (почему-то склоняясь к мысли, что все-таки плохо).

...Нана в синем платье с красными полосками качается на качелях, хохочет и просит маму раскачивать ее сильнее.

А вот они вдвоем сидят за столом и завтракают; Нана терпеть не может омлет, ковыряется в тарелке с недовольным видом.

Мама с папой разговаривают в гостиной, стараясь делать это тише, чтобы не разбудить детей, но они с Наной не спят и слышат, что голоса у родителей встревоженные, а мама, кажется, готова заплакать...

Андрей потер пальцами виски, поежился. В комнатах было холодно. Надо бы проверить, что там с отоплением. Он вышел из дома, мельком подумав, что это похоже на бегство от прошлого.

Стоявший в подсобке котел работал, Андрею без труда удалось разобраться с тем, как он функционирует, и к вечеру в доме стало тепло, а в кране появилась горячая вода. Газ на Варварин остров не провели (хотя собирались), поэтому топить следовало дровами или брикетами, которых почти не было, а те, что были, практически полностью отсырели. Андрей кое-как набрал на растопку, но этого хватит на день, не более. Придется купить.

Этим он займется завтра, а пока надо вытащить из машины и распаковать вещи, немного прибраться, разложить все, затем приготовить себе что-то на ужин и лечь спать.

Простые планы, нехитрые устремления. То, что надо.

В отличие от большинства мужчин, уборки Андрей не боялся. Возможно, потому, что хаос и грязь пугали его куда больше. Он их терпеть не мог, сердился на Жанну, которая могла спокойно существовать среди разбросанной всюду одежды, не утруждала себя тем, чтобы

заправить поутру кровать или протереть пыль, преспокойно вытаскивала из горы немытой посуды чашку, чтобы ополоснуть ее и налить себе чаю.

Когда Андрей привел комнаты в приличный вид, на часах было уже почти одиннадцать. Он соорудил себе пару бутербродов и сварил кофе. Бессонницы не боялся: слишком устал.

Придется купить письменный стол и шкаф или этажерку для книг. Интересно, продается это на острове? Пока папки с бумагами и ноутбук стояли прямо на полу в бывшей детской.

Застилая постель, Андрей подумал, чем, интересно, занята сейчас Шура? Шабашит, наверное. Она всегда тащила работу домой, стараясь отвлечься от всего, что на нее свалилось: неудачная беременность, потеря ребенка, измена и смерть мужа.

Плохо такое говорить (и даже думать, наверное) про умершего человека, но покойный Шурин муж Станислав был придурком.

«Или, может, я к нему предвзято отношусь?»

«Может быть», – согласился сам с собой Андрей.

Мысль о том, что ему неприятно видеть этого человека рядом с Шурой, впервые пришла ему в голову на их свадьбе. Да так и застряла в сознании. Андрей смотрел, как Стас по-хозяйски прижимает Шуру к себе, впивается в нее, будто оголодавший вампир, минуту назад восставший из гроба, как он хохочет над собственными несмешными шутками, и бесился.

Потом кто-то произнес тост о том, что в семейном союзе главное – это понимание и доверие, и ему неожиданно подумалось: пожалуй, тогда они с Шурой были бы отличной парой. Подумал – и виновато покосился на Жанну. Их браку только-только исполнился год, в ту пору Андрей был еще далек от осознания того, что ошибся в выборе. Или уже начал догадываться, но запрещал себе размышлять на эту тему.

Электронные часы (старомодные, но работающие) показали 23:23. Можно загадывать желание. Андрею много чего не помешало бы, начиная от взлета провалившейся карьеры, заканчивая обретением хотя бы подобия личного счастья. Но надо думать о чем-то конкретном, формулировать четко, чтобы Вселенная поняла, чего ты от нее хочешь.

Пока думал, четверка вытеснила тройку, момент был упущен.

Не слишком ли много в его жизни подобных моментов?..

Захотелось покурить перед сном, но Давыдов подавил это желание.

Он бросил курить около месяца назад, пить тоже. К выпивке не тянуло, а никотиновая зависимость оказалась сильнее. Вроде бы курил немного, пачки дня на три хватало, но стоило дать зарок бросить, как необходимость затянуться усилилась.

Чтобы перестать думать о сигаретах, Андрей выпил таблетку (купил как-то в аптеке, повинаясь порыву, растительный успокоительный препарат, и то ли выбор оказался удачным, то ли сработал эффект плацебо, но спать он стал лучше, да и беспричинная тревога не мучила), улегся в кровать и выключил свет. Приготовился возиться, пытаюсь устроиться на новом месте, но заснул быстро.

Среди ночи проснулся (редко удавалось этого избежать, так что ночь обычно дробилась на несколько кусков), прислушался к себе. В туалет не хотелось, жажда не мучила. Андрей повернулся на другой бок, но тут услышал звук.

Глупость какая – даже самому себе говорить, что слышишь некий звук. Или как в книгах и фильмах герои говорят друг другу: «Я что-то слышал!» Глупо потому, что ты всегда точно знаешь, что слышишь, на что похож тот или иной звук. Просто порой бывает страшно себе в этом признаться, ведь ты слышишь то, чего быть не может.

Вот как сейчас.

Андрей скорчился под теплым одеялом, которое вдруг стало казаться чересчур тяжелым, чувствуя, как холодеют руки, а в желудке ворочается ледяной ком. За дверью кто-то был.

Минуту назад этот «кто-то» тихо пробежал по коридору – россыпь невесомых, осторожных шагов. А потом скрипнула, открывшись и снова закрывшись, дверь бывшей детской.

Ночной гость вошел в детскую и сейчас находится там.

«В дом забрались! Может, воры! Какого хрена ты лежишь?» – ворвался в голову голос Жанны. Если бы она была тут, именно так и сказала бы.

Андрей и сам не мог понять, почему бездействует. Входную дверь он запер, окна тоже закрыты. Но через второй недостроенный этаж при желании можно попасть внутрь: Давыдов не присматривался к окошкам, возможно, они легко открываются снаружи.

Вероятно, тут часто ошиваются посторонние: подростки, хулиганы привыкли забираться в пустой дом, а сегодня не заметили, что хозяин приехал. Надо пойти и накостылять воришкам, прогнать раз и навсегда, чтобы неповадно было!

Андрей пытался взбодрить себя, убедить, но сам не верил в эту рациональную, правильную версию. Если бы в доме кто-то бывал, видны были бы следы присутствия: банки, окурки, фантики, похабные надписи и рисунки на стенах, использованные презервативы и прочая дрянь.

Но ничего такого не было. Дом все эти годы стоял нетронутым. Окна везде плотно закрыты: не слишком похоже, чтобы их открывали снаружи.

И все же кто-то был внутри, Андрей кожей чувствовал чужое присутствие. А еще был страх. Причем боялся Давыдов не влезших на его территорию бездомных бродяг или наглых юнцов.

В темноте бывшей детской притаилось неведомое.

Надо пойти и проверить. Покончить с этим. Лежать и дрожать – еще хуже, чем столкнуться лицом к лицу с...

Андрей не дал себе додумать. Отшвырнул одеяло, вскочил, быстро пересек комнату и отворил дверь. Вышел в коридор и сразу же, не останавливаясь, открыл дверь своего будущего кабинета. Свет залил пустую комнату, посередине которой были грудой свалены несколько книг, папки с бумагами, громоздились ноутбук, принтер, а еще стояло удобнее кресло (ни на одном другом стуле во время работы Андрей сидеть не мог).

– Никого нет! – вслух произнес Давыдов. – И не было. Сон приснился.

Андрей выключил свет, шагнул за порог и притворил за собой дверь. Может, еще одну таблетку принять? Да, пожалуй.

Он зашел в спальню, принял таблетку, подумал, добавил еще одну, решив, что хуже не будет. Лег, закрыл глаза, и в этот момент из комнаты, которую он недавно покинул, раздался тихий смех. Вернее, сдвленный смешок, будто ребенок старается сдерживаться, чтобы не расхохотаться во весь голос, зажимает себе рот ладошками.

Второй раз пойти и посмотреть, что там, Давыдов не решился. Зажмурился, натянул одеяло на голову, закрыл уши.

Иллюзия. Это лишь иллюзия.

Но тогда, в детстве...

«Не важно, что было в детстве! Ты давно вырос, даже начал стареть. А чудовищ нет, если в них не верить».

Давыдов вспомнил, что эти слова говорила мама. Зачем? Точнее, в связи с какими событиями? Прежде чем удалось припомнить, Андрей заснул. До утра спал крепко, более не просыпаясь, а с восходом солнца ночные приключения стали казаться нелепицей, химерой.

Глава четвертая

Следующая неделя прошла в хозяйственных хлопотах. Андрей, что называется, обжился. Вил гнездо (правда, одинокое), надеясь обустроить свой быт так, чтобы в дальнейшем о нем не задумываться, а заниматься тем, ради чего, собственно, он и приехал на Варварин остров.

О ночном происшествии Давыдов старался не думать. Ему, вероятно, померещилось, виной тому нервное напряжение, нахлынувшие воспоминания о родителях и сестре, переезд, неустроенность, разочарование в прошлом и неопределенность будущего.

Правда, иррациональную причину Андрей тоже не исключал.

Будучи творческим человеком с живым воображением, он верил, что мир многообразен и противоречив. А посему вполне возможно существование в нем чего-то неподдающегося каждодневной, обыденной логике.

Например, в стенах старых домов могут жить воспоминания о прошлом. Отголоски сказанных когда-то слов, чей-то смех, давно замерший, но все еще отдающийся под потолком призрачным эхом; пережитые некогда, ныне погасшие, но все еще блуждающие незримой тенью по пустым комнатам эмоции... Ничего страшного, ничего такого, что могло бы повлиять на жизнь сегодняшнюю – лишь шлейф прожитой жизни. К тому же больше ничего подобного не повторялось, а спал Андрей на редкость крепко и спокойно.

На следующий же день после приезда Давыдов решил проблему с книжными полками и письменным столом, и это оказалось проще, чем он думал. Поутру сел в машину и поехал по магазинам, предварительно составив список того, что требовалось купить. В центре Варваринского острова было все, что нужно для скромной, непритязательной жизни (особенно если опыта «притязательной» жизни у тебя нет).

Помимо автозаправочной станции, тут располагались несколько торговых точек: продуктовый магазин «Варвара», довольно большой «Супермаркет», где продавались продукты и хозяйственные товары, а еще имелись пекарня и аптека, плюс высилось довольно неуклюжее двухэтажное здание «Торговый центр „Островной“», где можно было купить одежду, обувь, мебель, канцелярские товары и игрушки.

Пользовалось ли все это спросом, достаточно ли было покупателей, чтобы предприниматели не прогорали, Андрей сказать не взялся бы, но все же порадовался, что не нужно ломать голову, где взять шампунь, стиральный порошок, свежий хлеб, молотый кофе или носки.

Заправив машину, Давыдов заполнил бензином две большие канистры, которые всегда возил с собой на всякий случай, чтобы не остаться без топлива. А после отправился в мебельный магазин. Тут продавались столы, тумбочки, диваны и кухонные уголки, которые изготавливались здесь же, можно под заказ, объяснил продавец (он же владелец небольшого мебельного производства, как значилось при входе, «ИП „Колосков“»).

– У нас не только с «Варварки» народ отоваривается, но и из окрестных деревень. Работаем на совесть, гарантии есть, – похвалился Колосков, полный азартного предчувствия выгодного заказа.

Мебель была, конечно, простецкая, изготовленная бог знает из чего, но запросы Андрея сейчас были невелики, а требования – невысоки.

В итоге через четыре дня в его кабинете («Никаких больше упоминаний о бывшей детской!») появились открытые книжные полки, как утверждал Колосков, сосновые. Они высились от пола до потолка вдоль одной из стен и смотрелись прекрасно, Андрей даже не ожидал такого эффекта.

Кроме того, он купил сосновый же стол, который Колосков продавал как «Стол кухонный, семейный», но Давыдов собирался использовать в качестве рабочего, письменного: простой,

но даже стильный, он был достаточно большим, чтобы поместились бумаги, ноутбук, принтер, подставка для авторучек и прочие мелочи, которыми окружал себя Андрей во время работы.

До того, как привезли мебель, Андрей ободрал со стен выцветшие обои, оштукатурил и покрасил стены. Выбросил старые гардины, занавески, намереваясь в будущем установить жалюзи. Сейчас окно казалось голым, Андрею это не нравилось, да и вид за окном навевал тоску, но оставить висеть посеревшие от грязи, отсыревшие тряпки было еще хуже.

Кабинет, где стало свежо и чисто, пахло деревом, был теперь самой любимой комнатой Андрея в доме. Сделать ремонт везде у него пока не было средств, зато появилось понимание, что, если приложить усилия, этот дом действительно может стать местом, куда хочется возвращаться, где хочется жить.

Колосков, любуясь делом рук своих, проговорил:

– Обращайтесь, я не только с мебелью помочь могу. Лестница, смотрю, у вас не сделана, можно ступени, перила изготовить. А еще знаю человечка, он и двери, и окна на заказ делает, и жалюзи устанавливает.

Андрей поблагодарил и обещал непременно обратиться.

– Вы, значит, надолго к нам? – спросил Колосков, обуваясь в коридоре. – Дом-то дождался. Сколько лет пустой стоял, а вот надо же.

– Поживу пока, – уклончиво ответил Андрей.

С улицы доносился визг бензопилы.

– Бывайте, – попрощался Колосков.

Андрей вышел вслед за ним на крыльцо.

Помимо обустройства кабинета, он еще успел купить дрова на зиму, и сейчас их распиливали и укладывали в сарае. Андрей не разбирался ни в качестве дров, ни в количестве (не мог понять, точно ли это десять кубов, за которые он заплатил), подозревал, что и с ценой его надули (приезжего городского простофилю грех не надуть), но все равно смотреть, как сарай заполняется, сознавать, что зимой будет тепло и уютно, было приятно. Давыдов терпеть не мог мерзнуть.

На днях он обошел свои владения. Большую часть территории занимало то, что отец с матерью когда-то называли «гостевым домом». В период короткого расцвета Варвариного острова, когда казалось, что у этого места большое туристическое будущее, некоторые романтики, подобно Льву Васильевичу Давыдову, решили попытать тут счастья.

Лев Васильевич собирался построить небольшую семейную гостиницу, для чего и купил землю в живописном месте, прямо на берегу Быстрой, откуда открывался чудесный вид. Гости должны были, по замыслу, жить в комфортабельных двух-, трех-, четырехместных номерах, пить кофе, сидя на балконах, коротать время в беседках, жарить шашлыки на арендованных у хозяина мангалах, а в теплое время года – спускаться к реке на оборудованный для них пляж, брать напрокат катамараны и лодки, загорать под зонтиками и всем сердцем желать вновь вернуться в этот райский уголок.

От всех этих стремлений остался лишь плоский участок земли с вырытым посередине огромным котлованом и фундаментом; по краям и на дне ямы уже снова начали расти деревья.

Андрей вздохнул и отвернулся: смотреть на это олицетворение краха чужих надежд было не слишком приятно.

Участком, который располагался за домом, Андрей решил заняться по весне. Когда-то родители посадили там яблоневые деревца, а еще мама выращивала зелень и овощи, но все давно заросло травой, яблоньки были кривыми и тонкими, выглядели больными и чахлыми: их задавили сорняки, поглотили какие-то кусты, разросшиеся нагло и буйно, как и положено непрошеным гостям.

Было бы хорошо выкорчевать все это безобразие, расчистить площадь и посадить вишню, груши или, может, сливовые деревья (надо почитать, что лучше). Но это весной, не сейчас.

А вот двор надо привести в порядок побыстрее: разруха и захламленность действовали на нервы. В который уже раз думая об этом, Андрей, стоя возле подсобки, услышал за спиной покашливание.

В первый миг вздрогнул: опять что-то чудится? Но обернулся и увидел возле недостроенного забора мужичка лет шестидесяти.

– Привет, сосед! – проговорил он и отрекомендовался Степаном. Андрей назвал в ответ. – Я вон там живу. – Взмах руки. – Второй дом от тебя, видишь? Жена, сын, сноха, внука вот ждем, Ленка на сносях. А ты один пока приехал?

Андрей подошел ближе, пожал протянутую для приветствия сухую ладонь.

– Один, да.

– Ты ведь Льва-покойника сын?

Прозвучало жутковато. Сын покойника. Давыдов кивнул.

– Хороший мужик батя твой был, хотя и не шибко разговорчивый. Но мы нет-нет да словечком перекидывались. Ты сам-то женат? Дети есть?

Вопросы, конечно, бестактные: все нынче знают, насколько неприлично спрашивать незнакомого (да и знакомого) человека о его личной жизни, пока он сам не пожелает о ней рассказать. Но здесь, на Варваринском острове, это казалось вполне нормальным, звучало так, словно Степан имел право задавать вопросы. Интерес был искренний, не злой, а потому не обидный.

– Я разведен. Детей нет.

Степан сочувственно покачал головой.

– Бывает, что ж. Бабы, они... Эх, что там! Ты, если чё, заходи, не стесняйся.

– А вы не знаете, кого можно попросить двор прибрать: траву скосить, кустарник спилить и все такое? Я заплачу, естественно.

Степан ударил себя ладонями по бедрам.

– Так чё – и мы можем! Я и Санек. Сын мой. Недорого возьмем, Андрюха!

На том и порешили. Санек оказался крепким молчаливым мужчиной лет тридцати с яркими, необычайно выразительными глазами удивительного васильково-фиолетового оттенка, казавшимися чужими на простоватом лице.

Санек и Степан трудились три дня (Андрей в это время приводил в порядок кабинет), и теперь, в результате их усилий, во дворе стало чисто и аккуратно.

Отец с сыном даже клумбу обновили, выложили речными камешками. Починили скамью и стол, так что сейчас можно, по словам Степана, выйти и покурить. Андрей сказал, что бросил, на что сосед, сам того зная, процитировал Марка Твена, заявив, мол, это дело хорошее, нехитрое, он и сам бросал уж сколько раз, а потом начинал заново.

– Ты, Андрюха, молодец, что вернулся, – сказал Степан, завершив работу и собирая инструменты. – Город что? Беготня одна. Вот Санек ездит, шабашит, а чего хорошего? Тут у нас природа. Река. – Он помолчал. – Варваринского острова ты не бойся. Не суетись, главное. Не лезь куда не просят. И проживешь славно.

Андрей подумал, что ему послышалось. Или он не так понял. Слова звучали не то как угроза, не то как предупреждение. Давыдов поглядел на Степана, но тот повернулся спиной. Вопрос сорвался с языка сам собой, Давыдов хотел спросить, что Степан имел в виду, но вместо этого произнес:

– Отец что же – суетился? Лез?

Степан обернулся.

– Чего? А, Лева-то... Тот беспокойный был. Ходил со своей железкой. Искал незнамо что. Да ты к сердцу-то не бери, Андрюха. Я уж так, по-соседски. Хорошее, говорю, место. Просто со своим характером.

Степан похлопал Андрея по плечу и ушел.

«Со своей железкой» – тут ничего необычного. У отца было хобби – бродить с металлоискателем. Сам Андрей не помнил этого, мать рассказывала. Куда металлоискатель после подевался, Давыдов понятия не имел. Пока он не нашел его в доме, в вещах отца.

Решив выбросить непонятные слова Степана из головы, Андрей ушел в кабинет и позвонил бывшей жене. Делать этого не хотелось, но было нужно.

– Как ты? – равнодушно спросила Жанна. На фоне ее голоса слышались разговоры, музыка и женский смех. Жанна сказала, что находится в салоне красоты и долго говорить не может.

Как будто если бы она могла, они начали бы долгую беседу.

– Сможешь отправить мои книги?

Они договорились, что, пока Андрей не устроится, книги будут находиться в их когда-то общей, а теперь оставшейся Жанне квартире. Приличный мужчина после развода не делит с бывшей женой ложки, а уходит с одним чемоданом. Вот он и ушел.

– Хорошо. Отправлю. Пришли мне свой новый адрес.

Уже через день Андрей расставлял книги по полкам, а когда завершил, то подумал, что сейчас по-настоящему может считать это место домом. Ибо что за дом без книг? По крайней мере, в его представлении было именно так.

Первая неделя на Варваринном острове прошла продуктивно (казенное слово, но в данном случае точное). Андрей сделал все, что запланирован, не просто слонялся без дела и глазел по сторонам, а привел дом в божеский вид, подстроив его под себя.

Именно это он и сказал Шуре, позвонив ей вечером.

– Я уже неделю на острове. Пока не жалею, не скучаю по Быстрорецку. – Это была правда. – Думаю, завтра начну работать. Представляешь, я действительно этого хочу.

– Здорово, что твоя апатия прошла. Таким ты мне больше нравишься, – ответила Шура.

– Думаешь, у меня может получиться? Моя Элли, я имею в виду. Кстати, я подумал, что девочка-маг, девочка-чудо будет жить на острове. Как я сейчас. И оттенок ее глаз будет таким, как у Санька, сына Степана. Помнишь, рассказывал про соседей, которые двор мне прибирали? Что скажешь?

– Тебе не нужен мой ответ, – усмехнулась Шура. – Ты всегда твердил, что идея мультсериала отличная, просто потом ты ее забросил на годы, а после...

– А после ты мне напомнила, за что я тебе в сотый раз говорю спасибо. Шурик, ты знаешь меня лучше, чем я сам себя знаю. Мне с тобой повезло.

Давыдов очень удивился бы, если бы ему сказали, что, повесив трубку, Александра долго сидела, уставившись в одну точку, а потом с размаху швырнула о стену чашку с чаем, которую держала в руках.

Глава пятая

Во вторник вечером, через день после разговора с Шурой, Андрей допоздна засиделся в своем кабинете.

Втайне он мечтал, чтобы его Элли получилась такой же остроумной и непосредственной, как Масяня, органичной и естественной, как Шрек, могущественной, но при этом обаятельно-скромной, как Гарри Поттер. И, конечно, популярной и любимой публикой, как все эти герои, вместе взятые. А еще нужно, чтобы было в Элли нечто и от легендарной Алисы, помимо некоторого намека, содержащегося в имени: твердая вера в то, что иные миры существуют, умение безоговорочно принять их и говорить на одном языке с их обитателями.

Планы были амбициозные, продумать Элли, мир, в котором она жила, ее друзей и врагов следовало тщательно, чем Давыдов и занимался с азартом и вдохновением, которых давно уже в себе не подозревал, полагая, что чувство полета уже не воскресить. Ведь творчество – это свобода. А он слишком долго был связан, а вдобавок радовался своему заточению, потому что оно было сытым и спокойным.

Давыдов видел Элли внутренним взором, хорошо представлял себе, но ухватить ее образ, чтобы в полной мере воплотить визуально, пока не мог.

Впрочем, он знал, что рано или поздно сумеет это сделать, поэтому «несговорчивость» Элли его не сердила.

В нижнем правом углу монитора появились четыре ноля, начался отсчет нового дня. Андрей отметил это, но решил еще немного поработать. Ему не нужно было рано вставать, так что можно и не торопиться.

В доме было тихо, за окном – тоже. К тому, как звучит (вернее сказать, молчит) ночь на окраине Варвариного острова следовало еще привыкнуть. Тишина и темнота не были разбавлены ни шуршанием шин по асфальту, ни голосами людей, ни музыкой, льющейся из автомагнитол, ни светом фар или рекламных вывесок. Никакого намека на следы человеческой цивилизации, только бормотание ветра в ветвях деревьев да шепот дождя. Но сейчас и дождь, который зарядил после обеда, кончился.

Поэтому прозвучавший за окном едва различимый треск показался оглушительным, как выстрел из хлопушки. Андрей вздрогнул и обернулся. В комнате горела настольная лампа, светился монитор ноутбука. Смотреть на черный квадрат окна было неприятно: Давыдов не мог различить снаружи ничего, зато его самого было превосходно видно.

Он пожалел, что так и не дал себе труда заказать жалюзи или хоть занавески повесить по-старинке, только бы не сидеть ночью так, как сейчас, на виду у...

У чего? У кого?

Там лишь неухоженный, ожидающий прихода весны сад, за ним – крутой склон, по которому никак не подняться, а дальше – речной простор. Никого снаружи нет и быть не может. Просто треснула набрякшая дождевой влагой ветка.

Голос разума был убедителен, но древний инстинкт, что-то подсознательное, не поддающееся описанию, мешало ему поверить. Андрей, всеми силами стараясь отбросить это ощущение, снова уткнулся в монитор.

Однако сосредоточиться на образе девочки-мага Элли не получалось. По спине словно ползали крошечные насекомые, хотелось сбросить их, почесаться, и Давыдов ерзал на стуле, который внезапно стал неудобным.

Хруст за окном повторился. А следом послышались шаги – легкие, но совершенно отчетливые. Кто-то будто бы прокрался из глубины сада и подошел к дому. Точно подтверждая эту мысль, раздался скрип: подошедший провел по стеклу пальцем. Андрей не повернул головы на звук, но боковым зрением видел, что за окном кто-то есть.

Стоит там, припав к стеклу, и наблюдает за ним из темноты. Ждет.

Андрей застыл на стуле. Сгорбился неудобно, скрестив ноги, но боялся выпрямиться, пошевелиться. Боялся дать понять тому, кто стоял за окном, что знает о его существовании.

Нельзя оборачиваться. Нельзя смотреть. Есть вещи, которых лучше никогда не видеть.

«Чудовищ нет, пока ты в них не веришь».

Зачем ты говорила это, мама? От каких чудовищ пыталась отгородиться?

Это было невыносимо. Буквально пять минут назад мир был нормальным, а Андрей был обычным человеком, не верящим во всякую жуть. Человеком, который мог объяснить себе и другим, почему люди иногда слышат шаги и голоса в пустых помещениях, видят полупрозрачные фигуры на кладбищах или тени в темных углах; почему приходят звонки с отключенного телефонного номера умершего родственника; почему давно остановившиеся часы вдруг начинают бить, а в зеркалах по ночам мелькают чьи-то силуэты...

Андрей резко обернулся и поглядел в окно. Сердце грохотало и рвалось из грудной клетки, как попавший в ловушку зверь. Давыдов готов был увидеть все, что угодно, но не увидел ничего.

– Никого там нет, кретин, – произнес он, чтобы услышать человеческий голос.

После, дабы доказать себе, что он не трус, что бояться абсолютно нечего, Андрей встал, подошел к окошку, приоткрыл форточку. Постоял, вдыхая влажный холодный воздух. Пахло рекой, мокрыми листьями, землей, еще чем-то сладковато-томительным, наводящим на мысли о тлене и одиночестве.

Давыдов закрыл форточку, выключил ноутбук, погасил свет и вышел из кабинета. Проверил входную дверь – заперта. Дверь на лестницу второго этажа он тоже запер, задвинув щеколду, хотя прежде этого не делал. Днем посмеялся бы над этой предосторожностью, но сейчас смеяться не хотелось.

Когда ложился в кровать, в голову ему пробралась мысль: что-то не так с этим домом. Нечто обитает здесь, живет тайной, страшной жизнью, пока не показываясь на глаза, выжидая. Это создание можно увидеть лишь вот так, как сегодня, боковым зрением: взгляд в упор прогоняет его. И услышать можно только случайно, если не спишь в час, когда всем добрым людям положено быть в постели, ускользая от монстров в свои сны.

Но что будет после? Что случится, когда *оно* наберет силу?

Проснулся Андрей разбитым и вялым, но решил не идти на поводу у этого состояния. Человек же хозяин своей судьбы, так ведь? Поэтому он сварил себе кофе покрепче, дал дню начаться, как всегда: горячий душ, просмотр новостей, бутерброд с ветчиной и сыром.

Вошел в кабинет, посмотрел на окно, за которым трясла на ветру кривыми ветвями яблоня. Хотел было сесть за работу, но передумал. Есть кое-что другое, что нужно сделать сегодня же.

Спустя полчаса он стоял перед домом Степана. Дом был одноэтажный, но большой, словно распластавшийся по участку. В крайнем окне показалось чье-то лицо, но Андрей не успел разглядеть, кто это.

На стук выглянула хмурая женщина в халате и безрукавке на меху, пригласила войти, позвала мужа. Входить Андрей не стал, предпочтя подождать у калитки. По привычке похлопал себя по карманам, но вспомнил, что не курит.

– Здоров, Андрюха, как оно?

Степан был взлохмаченный, с красными глазами, в «прощайках» на босу ногу. Давыдов ответил, что все нормально, для порядка поинтересовавшись, как дела у соседа. Думал, тот тоже отговорится, но Степан вздохнул и почесал затылок.

– Ленка у нас, вишь, скинула.

«Кого скинула? Откуда?» – чуть не спросил Андрей, но вовремя заткнулся, сообразив, о чем речь. Сноха Степана была беременна. Значит, случился выкидыш.

– Сегодня ночью, часов в двенадцать, мы уж спать легли. – Степан сделал короткую, судорожную затяжку. – Повезли ее в больницу, врачиху позвали, она на Мирной живет. Ну, приехала. А уж поздно. Даже если бы в городе были, не успели. Или только говорит так, уж не знаю. Шас вот в город поехали, тамошнему доктору показаться.

– Мне очень жаль, что так вышло, – выдавил Андрей, не зная, что еще сказать, как выразить свое сочувствие.

Степан безнадежно махнул рукой.

– Они уж шесть лет живут. Все пытаются. Врачи, анализы, то да сё. Скидывает и скидывает. Нутро, видать, слабое по-бабьей части. Они с Саней раньше в Быстрорецке жили, Ленка оттуда сама-то. Потом сюда перебрались. На исцеление. Вроде помогло поначалу-то, пять месяцев носила. А потом вишь как.

«Страждущие, – вспомнились Андрею слова Клары. – Кому исцелиться надо».

О чем они все говорят? Собрался уже спросить, но Степан сам задал вопрос:

– Ты чего пришел-то? Подсобить чем?

– Колосков, мебельщик, говорил, на острове мастер есть, который окнами и дверями занимается. Не знаешь, кто? Колоскову звонил, у него телефон недоступен.

– Как не знать, знаю. Через Колоскова, поди, дороже будет, он с ним поделится. Сам иди и все. – Степан почесал заросший щетиной подбородок. – Ты на машине? Еще лучше. На Центральную давай, подъедешь к школе, там справа дом. Не промахнешься, вывеска есть.

Еще раз сказав, что ему жаль, пожелав здоровья Лене, Давыдов попрощался со Степаном. Тот скрылся в доме, а Андрей отправился на поиски мастера.

Все прошло гладко. Мастера звали Петром, был он мужчиной энергичным, немногословным и конкретным. Съездил, поглядел, померил, назвал сумму, обещал завтра установить и окно, и сетку от насекомых, и жалюзи.

– Можно, конечно, просто жалюзи, но окно, сами смотрите, старое, дерево рассохлось, щели кругом. Вида не будет.

Андрей согласился, тем более ждать недолго, размеры оказались стандартные, без сюрпризов. Петр полагал, что на складе есть готовые изделия, делать под заказ не придется.

Давыдов отвез мастера назад, решив заодно пройтись по магазинам, пополнить запас продуктов. Настроение улучшилось, как это всегда бывало, когда получалось решить проблему.

Купив все необходимое, он собрался отправиться к себе, но увидел выходящую из магазина «Варвара» Клару. Та вела за руку Малинку и, заметив Андрея, приветливо помахала ему.

Увидеть знакомое лицо было приятно, и Давыдов, не ограничившись ответным кивком, подошел поздороваться.

– Как вы? Не сбежали еще с острова? – спросила Клара и улыбнулась.

– Нет еще. Наоборот, привыкаю. Вы тоже, я вижу, остались.

– Нам ехать-то некуда, – ответила Клара.

Сказала не для того, чтобы жалость вызвать, просто то была правда.

Поняв это, Андрей почувствовал в Кларе родственную душу.

– Слушайте, я хотел кофе попить или мороженого поесть, есть тут кафе? Я бы вас с Малинкой угостил.

Малинка смотрела на него серьезно, без улыбки, но и без враждебности, изучая и, видно, еще не решив, нравится ей этот дядька или нет.

– Кафе было, но закрылось. Народу нет. Есть в пекарне столик.

Столик в пекарне Андрей видел. Колченогий, неудобный, втроем за ним не разместиться. Поняв по его лицу, что он не в восторге от этой идеи, Клара проговорила:

– А давайте лучше мы вас угостим? Я пироги вчера пекла с яблоками и с капустой. Они вкусные, не хуже, чем в пекарне. Пойдемте к нам, я вас с бабушкой познакомлю. Не отказывайтесь, пожалуйста. А то ведь и от денег отказались.

Сказала и покраснела. Ее способность смущаться показалась Андрею милой. Он не горел желанием идти в гости и знакомиться с бабушкой, но понимал, что своим отказом расстроит Клару.

– С яблоками – это хорошо, это я люблю. Только уж давайте я еще что-то к столу куплю, нельзя же к бабушке с пустыми руками идти знакомиться. Она решит, что я дурно воспитан. – Андрей поглядел на Малинку, присел перед ней на корточки и, тщательно артикулируя, проговорил: – Сможешь мне помочь? Покажешь, какие конфеты тут самые вкусные?

Малинка помедлила секунду, потом слегка улыбнулась и кивнула.

Глава шестая

Следуя рекомендациям Малинки, невзирая на протесты Клары и ее призывы не тратить деньги, Андрей купил фиолетовую с золотом коробку шоколадных конфет, набор пирожных и большую шоколадку с клубничной начинкой для Малинки. Девочка мельком посмотрела на нее, но быстро отвела взгляд и просить не стала.

Давыдов это заметил и, подойдя к кассе, попросил пробить и шоколадку тоже, а потом вручил ее девочке.

Малинка смотрела с изумленной благодарностью, словно Андрей был волшебником, умеющим угадывать чужие желания.

«Как ты узнал, что клубничная – моя любимая?» – читалось в ее карих глазах.

Давыдов склонился к Малинке и серьезно сказал:

– Я художник. Рисую мультики. Ты же любишь мультфильмы? – Восторг во взоре, кивок. – Сейчас придумываю историю про маленькую девочку Элли. Могу и тебе что-то нарисовать, если захочешь.

– Кажется, вы покорили ее сердце, – сказала Клара, когда они шли к машине. – Малинка обожает рисовать, она и общается при помощи рисунков. Правда, не все ее понимают.

«Хочешь понравиться матери, постарайся понравиться ее ребенку», – пришло Давыдову на ум. Он вовсе не был уверен, что хочет нравиться Кларе. Ввязываться в новые отношения, крутить романы – последнее, что ему сейчас нужно. Но слова Клары оказались приятны: маленькая Малинка, хорошо воспитанная, серьезная, даже строгая, к тому же любящая рисовать, вызывала у Давыдова симпатию.

А вот как относиться к бабушке, что она за человек, Андрей еще не понял. Она встретила их на пороге (должно быть, увидела в окно подъехавшую машину), повела в большую комнату – «залу». Была чистенькой и опрятной, походила на старушку из рекламы молочных продуктов, источала ароматы сдобы, беспрестанно улыбалась, но при этом было в ней что-то скользкое, рыбье.

– Здравствуйте, Андрей, здравствуйте, – говорила она высоким, чуть надтреснутым голосом, растягивая гласные, – рада вам, уж как рада-то, проходите, садитесь вот тут, тут удобнее! Помогли моим-то, вот спасибо вам! А мы скромно живем, не обессудьте, вы к такому не привыкли.

Откуда ей знать, к чему он привык? Не очень понятно, что отвечать на подобные заявления: начать оправдываться? Уверять, что дом хозяйки прекрасен? Андрей промолчал.

Они сидели за столом. Пирог оказался вкуснейшими, пирожные не шли с ними в сравнение. Насколько хороши конфеты, узнать не получилось, бабушка убрала их в сервант. Она попросила, чтобы Андрей называл ее бабой Лидой, и весь последний час активно потчевала гостя, подливая ему чаю и стрекотала без умолку, невозможно было слова вставить.

Прерывалась старушка только на то, чтобы задать вопрос вроде: «А родители ваши, значит, померли? Тут жили? Не припомню что-то. А сами-то вы женаты? Детки есть? Нету? Развелись? Эх, знаете, как люди говорят: „Не диво, что разводятся, а диво, что живут“. А что супруга ваша бывшая? В городе осталась?» и прочее, прочее.

В конце концов, чувствуя, что у него уже голова трещит от голоса бабы Лиды, Андрей повернулся к Кларе и спросил:

– Ты уже решила, чем займешься? Насчет работы думала что-то?

Он терпеть не мог, когда ему задавали подобные вопросы, никогда не стал бы вынуждать другого человека объясняться, но сейчас был раздражен (какого черта Клара приволокла его сюда?) и, пожалуй, желал отвлечь внимание от своей персоны.

– А чего ей решать? – встряла баба Лида. – За нее все уж решилось давно. Нянькой в садик пойдет с января месяца, его как раз открыть обещали после ремонта. И дочка под присмотром, и деньги какие-никакие, и питание. На инвалидные-то проживешь ли? Что решила... – Тяжкий вздох, укоризненный взор. – Раньше думать-решать надо было, от кого рожать. Что мать, что Кларка, обе хороши. Жизнь у тех складывается, кто ее сам по уму складывает. А распустехи вечно маются.

Клара покраснела. Малинка рисовала в углу, не смотрела на бабу, не прочла по губам этих слов. Андрей решил, что баба Лида ему отвратительна. Он открыл рот, чтобы заступиться за Клару, но она, чувствуя, что Давыдов готов сказать что-то резкое и тем самым осложнить ее отношения с бабой Лидой, поспешно произнесла:

– Отец Малинки пил. А потом отравился и умер. Это было три года назад. К тому времени, как его не стало, мы уже вместе не жили. Он бросил нас, когда узнал, что Малинка больна. Точнее, выгнал: мы жили у него...

– Были бы хоть расписаны, квартира бы осталась! – снова вставила свои пять копеек баба Лида.

– Так и есть, – спокойно подтвердила Клара, и Андрей поразился ее выдержке. – Но мы не были расписаны, поэтому жили в съемной комнате. А недавно у меня начались проблемы на работе и... Но это совершенно не интересно. Спасибо бабе Лиде, приютила нас.

Внезапно старуха, видимо, поняв, что наговорила лишнего, погладила Клару по руке.

– Чего уж там. Не чужие. Вы не сердитесь, Андрей, я ведь от сердца говорю. Натерпелась Клара в жизни. Отца в глаза не видела, мать вроде добрая была, но непутевая, любила к бутылке приложиться, так и сгинула, царствие ей небесное. Теперь вот Малинка-Маринка... Тяжело это.

Сказанное прозвучало тепло и искренне, и Андрей уже снова не знал, что думать про бабу Лиду. Наверное, она любит внучку и правнучку, переживает за них, но не умеет выразить этого. Устав ломать голову, Давыдов собрался встать и сказать, что ему пора, но тут почувствовал, как кто-то трогает его за рукав свитера, повернулся и увидел девочку.

Малинка протягивала ему блокнот, на одной из страниц которого был рисунок. С листа бумаги на Давыдова взирал пушистый котенок – кривоватый, почему-то желто-синего цвета, с непомерно большим хвостом.

Глядя на изображение, Давыдов понимал, что у Малинки есть способности к рисованию: неуклюжий котенок выглядел живым и озорным, а шерстку с сапфировыми полосками так и хотелось погладить.

– Коллега, ты отлично поработала, – весело проговорил Андрей. – Как его зовут?

Малинка впервые широко улыбнулась.

– Это Персик, – смеясь, ответила за дочку Клара. – Полоски у него вообще-то обычные, коричневые, но у нас коричневый карандаш потерялся.

Баба Лида потрепала девочку по волосам. Малинка сунула Андрею в руку карандаши.

– Хочешь, чтобы я тоже что-то нарисовал?

Девочка закивала.

– Какой у тебя любимый мультик?

– «Губка Боб», – ответила Клара.

Андрей перевернул лист с Персиком, положил блокнот на стол и принялся за работу. Баба Лида стояла за его плечом и время от времени одобрительно цокала языком. Андрей не выносил, когда кто-то смотрел, как он читает, пишет или рисует, но заставил себя не обращать внимания и сумел сосредоточиться на работе.

Примерно час спустя Малинка и Клара вышли проводить Андрея до машины. Девочка прижимала к себе альбом с рисунками, на которых красовался веселый Губка в компании друзей.

Все три жительницы дома бурно выражали восхищение, даже баба Лида, которая вряд ли была поклонницей этого мультсериала.

– Спасибо вам, – сказала Клара.

– Тебе, – поправил он. – Хватит уже церемоний. Мы же договорились перейти на «ты».

– И правда. Прости, больше не буду.

Они перекинулись еще парой фраз, а потом Клара сказала:

– Не сердись на бабу Лиду. Она... Характер у нее непростой, но она хороший человек. Выростила чужого ребенка, теперь вот мы на нее свалились.

– Чужого? – не понял Андрей. – Ты о чем?

– Моя мать была ее падчерицей. Муж бабы Лиды рано овдовел, она вышла за него и удочерила его дочь. Так что мы с Малинкой ей по крови не родня. Она могла бы и не пустить нас, жить спокойно. Но приняла. И Малинку любит, надеется, что удастся ее вылечить.

Надо же. Все-таки Андрей ошибся в бабе Лиде. Да, назойливая, любопытная, но разве порядочный человек во всем должен быть идеален?

– Малинку можно вылечить? Это прекрасно!

Клара слегка усмехнулась.

– Официальная медицина бессильна. Врачи сдались давно. Но баба Лида считает: святой Панталион сумеет помочь. Говорит, он совсем безнадежным помогает. Рак, паралич, последствия инсульта... Многим удалось на ноги встать. Я как-то не очень верила в такое, но, с другой стороны, чего на свете не бывает, да? И баба Лида настаивает, отказаться неудобно. Да и что мы теряем? Завтра как раз хотим сходить.

Андрей недоумевающе смотрел на Клару. Кажется, ситуация с разговорами про исцеление вот-вот прояснится. Похоже, на Варварином острове живет какой-то чудо-знахарь.

– Хотите сходить к лекарю?

Клара убрала со лба прядь волос.

– Ты что, не знаешь, в каком месте поселился? – удивилась она. – Про церковь святого Панталиона не слыхал?

И вот тут, после ее слов, в памяти забрезжили воспоминания. Андрей сообразил, что о святом со странно звучащим именем он слышал, знает. Точнее, знал когда-то и удивительно, что позабыл.

Клара тем временем продолжала:

– На Варварином острове была уникальная церковь, построенная в честь святого Панталиона, который при жизни был великим целителем. В эту церковь со всех концов мира съезжались люди, говорят, здесь исцелялись любые хвори. Затем революция семнадцатого года случилась, церковь разрушили до основания. К счастью, удалось спасти икону с изображением святого; после возведения новой церкви ее туда вернули. Она считается чудотворной, люди приезжают, молятся. Неужели ты не слышал? – опять спросила Клара.

– Слышал, – задумчиво ответил Давыдов. – В конце восьмидесятых – начале девяностых Варварин остров собирались превратить в современный туристический центр с уклоном в воссоздание образа Древней Руси. Шикарные места, живописные виды, прекрасный остров посреди реки. Какой-то иностранный благотворитель дал денег на все, в том числе и на строительство храма. Предполагались речные прогулки на катерах, пляж, музеи, мастерские, выставочный центр, «Город мастеров» с продажей изделий ремесленников, этно-деревня, конные прогулки и прочие радости, а жемчужина в центре короны...

– Чудотворная икона, – подхватила Клара.

– Да, в те годы все повально увлекались Кашпировскими, Чумаками, НЛО и тайнами Бермудского треугольника. Мой отец был одним из романтиков, поверивших в то, что Варварин остров станет туристической Меккой. Он загорелся идеей начать бизнес, хотя в жизни ничем таким не занимался. Вложил все, что у него было. Но... – О том, что случилось потом,

говорить не хотелось. В памяти всплыло имя сестры. – Щедрый меценат умер, деньги кончились, все захирело, стройки на острове замерли, толком и не развернувшись, и планы моего отца пошли прахом. Ладно, тема невеселая, не стоит об этом.

Клара поняла его желание свернуть разговор и больше ни о чем не спрашивала. Помолчала немного и хотела уже попрощаться и уйти, но Андрей, сам от себя этого не ожидая, предложил:

– Хотите, свожу вас завтра в церковь? Она же в стороне от городка, где-то в глубине острова, если я правильно помню. – Клара утвердительно качнула головой. – Как вы без машины-то?

Она собралась уже отказаться: неудобно, сколько Андрею от них хлопот, но посмотрела на Малинку и заколебалась.

– Не отказывайся, пожалуйста, мне не сложно. Я хочу помочь.

И Клара, конечно, согласилась.

Глава седьмая

Выехали рано утром. Андрей подумал, что повезет только Клару и Малинку, но увидел стоящую с ними у ворот дома бабу Лиду, которая, судя по одежде, тоже собралась в церковь.

– Вот спасибо-то вам, вот спасибо, – завела она по своему обыкновению, усаживаясь на заднее сиденье вместе с Малинкой и Кларой.

Давыдов думал, что Клара сядет рядом с ним, но она поступила иначе.

– Покажете, куда ехать?

– Конечно! Тут близко, если бы по прямой, но дорога идет в объезд.

Они проехали по Центральной до выезда из городка, миновали заросший бурьяном пустырь, на котором некогда собирались строить новый микрорайон. Заасфальтированная дорога оборвалась, не успели они выбраться за пределы «Варварки», как называли городишко все местные, дальше пошла раскисшая от дождей грунтовка. Пришлось сбавить скорость, объезжая лужи и ямы. Получив инструкцию ехать по полю прямо, до самого края, а потом свернуть в лес, Андрей послушно крутил руль.

Баба Лида болтала без умолку, как акын: «Что вижу, то пою».

– Тут раньше хотели хорошую дорогу проложить, не успели. Люди-то и сейчас едут, кто знает про чудотворную икону, про церковку нашу, а в те-то годы, когда родные ваши тут поселиться решили, народу тучи были! И ехали, и ехали! Не только наши, а и из-за рубежа. Я столько иностранцев разом отродясь не видела! Говорят так чудно, а понимают же другу дружку. – Она засмеялась. – Смех и грех.

Андрей еле удержался, чтобы не фыркнуть. Нахмурился, якобы пристально следя за дорогой.

Баба Лида не унималась.

– Сейчас тоже едут, но наши, не иностранцы. Видать, идет по земле слава, народ-то исцеляется. А взять у нас! Вот у Сальниковых сын. Язва прободная была, так ведь ни следа не осталось! Соседка моя, сейчас-то померла уже, а тогда катаракта была, ослепла совсем, операцию ни в какую не хотела. И дорого, где деньги-то? Так взяла и прозрела! Стопроцентное зрение, очков до самой смерти не носила!

Пожилая женщина продолжала сыпать фамилиями и диагнозами: у одного камни из почек пропали, у другого сахарный диабет прошел, третий пить перестал.

– Так у вас здесь больных-то, выходит, не должно остаться, – не выдержал Андрей. – Но почему-то не всем этот святой помогает: Степан сказал, что у его снохи выкидыш случился. Почему же одним помощь есть, а другим – нет?

Вопрос прозвучал задиристо, да и не сказать, что был уместен. Просто Андрей снова поймал себя на мысли, что баба Лида его утомляет.

– Каждому дается по вере его, – важно ответила та. – Значит, мало верили. Не готовы были благодать в сердце впустить, смириться. – Она выразительно посмотрела на внучку. – А кто верует Панталиону, тем он помогает. Ленка-то, Степанова сноха, кривляка, себе на уме. Тут надо особую молитву сотворить, меня мать научила. Возьми, дескать, преблагой святой Панталион, все мое, что у меня есть, а меня направь, наставь, поведи за собой. Он тогда и поможет, наставит. – Голос бабы Лиды смягчился. – Малинка наша – добрая душа, тихий ангел. Оправится она, исцелит ее святой Панталион.

Машина въехала в лес. Листья почти полностью облетели, и деревья размахивали на ветру голыми ветками, похожими на костлявые руки. Лес был густой, настоящая чащоба, деревья и кусты росли плотно, сплетаясь ветвями, стояли темным мрачным строем, и Андрею стало тревожно: он не подозревал, что недалеко от его дома – такая глушь.

– За грибами, ягодами ходите сюда? – спросил он, облизнув пересохшие губы.

– Нет, нельзя, – строго ответила баба Лида. – Тут храм, Панталионова земля.

Сказала, будто это что-то объясняло, будто нельзя собирать то, что растет на земле, если рядом – церковь. А еще это прозвучало так, словно Панталион жив, наблюдает за всеми и может, если что не по нему, обидеться и наказать.

Лес закончился неожиданно. Узкая дорога оборвалась за очередным поворотом, и взору Давыдова предстало поразительное зрелище.

Автомобиль замер на краю громадной чаши с пологими краями, заросшими травой, которую периодически косили. С четырех сторон вниз вели не слишком широкие каменные ступени – когда-то белые, а теперь посеревшие и растрескавшиеся. На дне чаши стояла деревянная церковь. Теперь Андрей понял, почему ее не было видно с реки, когда подъезжаешь к острову: высокое здание находилось в глубокой низине.

– Необычно, – проговорил Андрей. – Я думал, церкви на холмах строят или на ровной поверхности, а тут храм... – Он хотел сказать: «В яме стоит», но промолчал, боясь задеть религиозные чувства бабы Лиды.

– Особенная она у нас, – ответствовала женщина. – Ни к чему ей выпячиваться, на горку забираться. Красавица наша!

Спорить глупо, зрелище было величественным. Глядя на храм вот так, с холма, можно было, не запрокидывая голову, внимательно рассмотреть строение со всех сторон.

Андрей припарковал машину на площадке, где посетители обычно, судя по всему, оставляли автомобили. Все вышли из салона и направились к ближайшей лестнице.

Баба Лида наконец умолкла, уйдя в свои мысли, Клара бережно вела дочь за руку, чтобы та не оступилась.

Необычность церкви не исчерпывалась местоположением. Она напоминала, скорее, католический храм, нежели православный, круглой маковки не было, вместо нее – остроконечный «шатер». Вероятно, это какой-то образец деревянного зодчества, Давыдов в таких вещах не разбирался.

Спустившись вниз, маленькая компания прошла по выложенной гладкими серо-бежевыми камнями площадке, напоминающей мостовую.

– Осторожно, скользко после дождя! – произнес женский голос.

Андрей обернулся и увидел старуху в платке и дождевике.

– Добрый день, Марья, – поздоровалась баба Лида. – Это внучка моя, Клара. И дочка ее, хворая она. Не говорит, не слышит. Приехали, теперь на «Варварке» жить станут. А это...

Она не успела отрекомендовать Давыдова, он назвался сам. Сказал, что переехал на Варварин остров.

У Марьи был острый взгляд и крючковатый нос. Лицо на удивление гладкое, но все равно видно, что она старше бабы Лиды.

– Добро пожаловать, – сказала Марья. – Я вроде сторожихи. Убираю, траву кошу, полы мою. Вон там живу. – Она указала на небольшой аккуратный домик, что притулился неподалеку от церкви. Андрей поначалу его и не заметил. – Вы проходите, проходите.

Баба Лида открыла дверь храма, вошла внутрь. Давыдов замешкался: идти ли? Его отношения с богом были весьма неустойчивыми. Родители окрестили сына и дочь в младенчестве, он помнил наизусть «Отче наш» и «Богородицу»; в доме праздновали Пасху и Рождество, но это было скорее данью традиции, нежели важной составляющей частью истинной веры.

Андрей не мог сказать, что ощущал особую благодать в храме, не испытывал потребности исповедаться или принять причастие. Однако в трудные минуты, повинувшись порыву, несколько раз заходил в церковь, покупал и ставил перед иконами свечки, пытался просить о заступничестве.

Получал ли поддержку?

Слышал ли его Господь (если, конечно, допустить, что он существует)?

Ни разу не было, чтобы после вознесения молитвы что-то в жизни резко менялось к лучшему, происходило чудо. Но, с другой стороны, возможно, Андрея избавляли от несчастий и провалов, которые случились бы, не обратись он за помощью к высшим силам.

Заметив, что Давыдов колеблется у входа, тогда как его спутницы уже вошли в храм, Марья бросила на него один из своих цепких взглядов и спросила:

– А ты чего мнешься?

Ее тон показался Андрею насмешливым.

– Свечи хочу купить. Не вижу церковной лавки, где она?

Марья презрительно поджала губы.

– Лавка! Привыкли все деньгами мерить! Это что же за разговор с Богом такой, если бесплатно к нему не подступишься? Крестики, свечки, иконки для автомобилей; ни обвенчаться, ни помереть, коли денег нету. Превратили веру в ходовой товар, а церкви – в торговые центры.

Андрей удивленно смотрел на старуху. Он был с ней во многом согласен, но от человека, работающего в таком месте, чудно было слышать столь радикальные речи.

– Святой Панталион бессеребреник был. Лечил всех, кто приходил, помогал и богатому, и бедному. Люди чем могли, тем и благодарили: кто еду даст, кто одежду. Храм вот построили, который ироды эти в революцию снесли. Этот-то храм новый, а от того, первого, камня на камне не оставили! По сей день люди приходят, молятся святому, помощь получают. Отдаются, кто как может, жертвуют на поддержание храма. Так что нету у нас ни свечей, ни крестов, ни икон на продажу. Панталион был против тиражирования его лика. Есть у нас одна икона, древняя. Все, более ничего не требуется. И священника нет.

– Как так? – не понял Андрей. – Что за церковь без священника?

– Про часовни слышал? В часовнях нет алтаря, там не служат Литургию, настоятеля нету. А нам он и вовсе без надобности. К святому Панталиону напрямую обращаются, без посредника. Так-то. – Она поправила платок. – Пойдешь или нет?

Вместо ответа Андрей зашел в храм.

Все тут было не так, как он привык. Много окон, много света. Просторное помещение было почти пустым, если не считать лавочек вдоль стен и длинного стола для пожертвований, на котором покоилась груда вещей.

На трех стенах были огромные изображения Спасителя и Богородицы, но взгляд привлекала древняя икона с ликом Панталиона. Прежде, конечно, Андрей никогда не видел этого святого, понятия не имел, как тот выглядит, но больше никем этот человек быть не мог.

У Панталиона были большие черные глаза под угольными бровями, но при этом совершенно седые усы, борода и волосы, волной спадавшие на плечи. Простое бело-синее одеяние, воздевая в приветственном жесте рука, благородное, можно сказать, аристократическое лицо – взгляд так и тянулся к святому старцу.

Изображения Спасителя и Богородицы смотрелись рядом с ним лубочными ярморочными картинками, тогда как Панталион выглядел живым, от иконы веяло силой. Казалось, святой зрит в глубину твоего сердца и ждет, когда ты подойдешь ближе, расскажешь о своих бедах, попросишь о прощении или помощи.

Трое женщин – молодая, старая и малышка Малинка – стояли перед образом святого, замерев, не сводя с него взгляда. По щекам Клары текли слезы. Это не удивило Андрея, он и сам чувствовал нечто вроде благоговения, священного трепета. Вместе с тем крепи напряженность и тревога, которые пробуждали в нем и святой Панталион, и его часовня.

Желания подойти ближе и рассказать о сокровенном, попросить о покое и радости не получалось, поэтому Андрей развернулся и на цыпочках вышел из храма.

Марьи снаружи не было. Ждать, пока выйдут Клара и остальные, пришлось почти час. Андрей обошел строение, внимательно рассматривая его. Тут и там стояли скамейки и урны, кругом было стерильно чисто, ни одной бумажки, и очень тихо.

Всю обратную дорогу ехали молча. Никто, даже баба Лида, не произносил ни слова, они с Кларой словно боялись неосторожной фразой разрушить волшебство, расплескать то, что наполнило их в храме.

Простились быстро, баба Лида ушла в дом, а Андрей вспомнил, что у него есть подарок для Малинки. Он полез в бардачок, достал купленные загодя фломастеры, карандаши и толстый альбом для рисования.

Рядом со всем этим добром лежал пистолет, и Андрей представил, как вытаращила бы глаза баба Лида, увидев его. Разумеется, никакое это не оружие, всего лишь зажигалка. Бросив курить, Давыдов выбросил пепельницы и зажигалки, но избавиться от этой рука не поднялась. Поддельный пистолет подарил один из заказчиков, работавший в известной грозной конторе, сказал, что от настоящего не отличить, им вполне можно пугать хулиганов. Делать этого не доводилось (Давыдов надеялся, что и не доведется), но пускай себе лежит, каши не просит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.